

НАЧАЛО

Письмо подрагивает на столе почти в такт громкому стуку шагов. Из угла в угол, взад-вперед — и плотная писчая бумага колыхается в том же ритме. Черные остроконечные буквы на кремовых листках пульсируют, будто живые, при каждом ударе тяжелого шага.

Каким бы ты хотел видеть конец этой истории? Мне представляется, у тебя есть выбор между двумя финалами, где в первом посадка будет куда мягче, чем во втором, хотя, разумеется, без синяков и ушибов не обойдется при любом из вариантов. Как ты, наверное, уже и сам понимаешь, некоторых увечий попросту не избежать. Или я переоценила твои способности и ты пока так и не догадался? Не важно. Хочешь ты того или нет, я все равно добьюсь цели, которую ты — вне всяких сомнений — сочтешь категорически неприемлемой. Я выбралась из пут твоих суждений и манипуляций — вот чего ты так славно добился своим двуличием, сам того не желая. А желал ты всегда одного — действовать во благо одному себе и удовлетворять собственные прихоти. Я никогда не занимала особого места в твоих мыслях — даже на первых порах, хотя то и дело слышала, что моя голова должна быть занята только тобой.

МАРИ БЕНЕДИКТ. ТАЙНА АГАТЫ КРИСТИ

Сумрак, царящий в комнате, несмотря на предполуденный час, сгущается еще сильнее. Через пару мгновений порыв ветра распахивает прикрытое окно, и страницы письма слетают со стола на ковер. Слова растворяются во тьме, но тут гремят раскаты грома (*темень и ненастье — какая классическая и уместная для такой ситуации погода!* — отмечает про себя адресат), и вспышки молнии вдруг озаряют помещение. Слова вновь проявляются на листах.

Читай дальше и четко следуй моим инструкциям, если хочешь, чтобы первый этап прошел гладко и завершился благополучно. Будет нелегко. Тебе придется проявить непреклонность при встрече с преградами, даже если тебя станут обуревать сомнения и стыд. Следуй моим указаниям на каждом перепутье — лишь тогда эта история может завершиться счастливо для всех нас.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

РУКОПИСЬ

12 октября 1912 г.

Агбрук-хаус, Девон, Англия

Мужчину идеальнее я не смогла бы сочинить. — Потеряйте бальную книжку, — слышался чей-то шепот, когда я, пробираясь сквозь толпу, шла танцевать. Кто посмел говорить мне такие вещи? Особенно если учесть, что под руку меня вел Томас Клиффорд, дальний родственник хозяев Агбрук-хауса, лорда и леди Клиффорд Чадли, главный объект внимания всех незамужних дам на балу.

«Как дерзко! — подумала я про себя. — Если не сказать — грубо!» А вдруг услышал бы мой кавалер? Особенно окажись он «тем самым единственным», моей «судьбой» (то есть будущим мужем, в переводе с нашего девичьего языка) — он ведь тогда передумал бы за мной ухаживать! От этой мысли по телу пробежала дрожь. Кто отважился на подобную бесцеремонность? Я обернулась на источник шепота, но тут зазвучали струнные из Первой симфонии Элгара, и кавалер повел меня в танце.

Пока мы вальсировали, я пыталась найти глазами того мужчину в переполненном бальном зале. Мама отчитала бы меня как следует за то, что я не сосредоточила все внимание на юном мистере Клиффорде, но, по слухам, этот завидный жених с прекрасными связями искал себе невесту из богатых наследниц, так что

МАРИ БЕНЕДИКТ. ТАЙНА АГАТЫ КРИСТИ

я все равно не представляла для него сколько-нибудь реальный интерес. Ведь я — почти нищая, и все, что у меня будет, — это Эшфилд, наследство, которое многие сочли бы скорее проклятьем, чем подарком судьбы, особенно зная, что у меня совсем нет средств на его содержание, а дом постоянно нуждается в ремонте. Мистер Клиффорд явно не относился к разряду упущенных шансов. Но я не сомневалась, что истинный шанс еще проявит себя. Разве не таков наш девичий удел? Мы увлекаемся мужчиной и попадаем в приливную волну своей судьбы.

В углах сверкающего позолотой зала стояли десятки мужчин в вечерних костюмах, но никто из них не был похож на человека, способного сделать мне столь вызывающее предложение. И тут я увидела его. Белокурый, с вьющимися волосами, у дальней стенки — он не отрываясь смотрел на меня. Я ни разу не заметила, чтобы он беседовал с кем-то из джентльменов или вел на танец даму. Он сдвинулся с места лишь однажды — подошел к оркестру и что-то сказал дирижеру, а затем вернулся в свой угол.

Прозвучали финальные аккорды, и мистер Клиффорд сопровождал меня назад, к моей милой подруге Нэн Уоттс, запыхавшейся от кружения по залу в паре с краснощеким знакомым ее родителей. Когда заиграла следующая мелодия, Нэн увлек на танец еще какой-то румяный юный джентльмен, а я заглянула в бальную книжку, висящую на красном шелковом шнурке у меня на руке, — посмотреть, с кем танцую на этот раз.

Чья-то ладонь опустилась на мое запястье. Я подняла взгляд и окунулась прямо в глубокие голубые глаза мужчины — того, что наблюдал за мной во время вальса. Я инстинктивно отдернула руку, но ему каким-то образом удалось снять с нее бальную книжку, а затем его пальцы переплелись с моими.

— Оставьте вы свою книжку хотя бы на один танец, — тихо, но твердо произнес он, и я узнала голос того самого наглеца, чей шепот слышала перед танцем. Я ушам своим не верила, и к тому же была шокирована тем, что он отобрал у меня книжку. Позволить кому-то вклиниться в очередь кавалеров — так не принято, даже если книжка пропала.

РУКОПИСЬ

Мне послышались знакомые аккорды популярного мотива Ирвинга Берлина. Звучало точь-в-точь как «Рэгтайм-оркестр Александра», но я понимала, что наверняка ошибаюсь. Лорд и леди Клиффорд никогда не заказали бы оркестру такую современную мелодию. Более того, подобное отклонение от протокола, полагаю, привело бы их в ярость: общепринятыми в то время считались классические симфонические пьесы вкупе со спокойными, чинными танцами, дабы не распалить молодые страсти.

Он наблюдал за выражением моего лица, пока я слушала музыку.

— Надеюсь, вам нравится Ирвинг Берлин? — спросил он с легкой самодовольной улыбкой.

— Так это *вы* устроили? — удивилась я.

Его улыбка стала смущенной, и на щеках появились ямочки.

— Я случайно услышал, как вы говорили подруге, что токуете без музыки посовременнее.

— Но как вам удалось?

Меня поразила не только дерзость, но и масштаб поступка. Это было, прямо скажем, лестно. Никто не посвящал мне столь грандиозных жестов. Уж точно никто из тех разношерстных ухажеров, с которыми мать пыталась свести меня два года назад во время моего первого выезда в свет в Каире — та поездка была вынужденной мерой в силу стесненных обстоятельств матушки, ведь первый выезд в Лондоне — это покупка массы модных нарядов, посещение и организация приемов, необходимость снять на сезон городской особняк. Таких жестов я не видела даже от милого Реджи, которого всю жизнь знала как добродушного старшего брата моих близких подружек, сестер Льюси, и который лишь недавно превратился в нечто большее, чем просто друг семьи. Между нами с Реджи и между нашими семьями созрело понимание, что настанет день, и мы скрепим наши отношения узами супружества. Когда-нибудь потом, но непременно скрепим. Сейчас, в свете столь эффектного ухаживания, союз с Реджи показался мне перспективной пусть и приятной, но слишком уж безмятежной.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Суббота, 4 декабря 1926 г.

Хертмор-коттедж, Годалминг, Англия

Тщательность сервировки утреннего стола у Джеймсов дарит ему то чувство внутренней гармонии и цельности, что так редко посещало его после войны. Поблескивающие приборы безукоризненными рядами лежат возле минтонского фарфора. Тарелки с изящной гравировкой (*пожалуй, грасмирская*, оценивает он) — ровнехонько в двух дюймах от края стола, в центре которого — ваза со скромным, но элегантным сезонным букетом — зеленые ветки падуба с костянками. *Боже мой*, — говорит он про себя, — *именно такой порядок и нужен, чтобы человек чувствовал себя умиротворенным.*

Почему совершенство такого уровня не царит в его доме? Почему он вынужден непрерывно сносить оскорбляющие его вещи — терпеть отсутствие хозяйственной строгости, терпеть эмоции и потребности тамошних обитателей? От этих мыслей в нем закипает праведный гнев и крепнет ощущение абсолютной правомерности его действий.

— Полагаю, пора поднять тост, — объявляет хозяин дома Сэм Джеймс, кивнув своей супруге Мадж. Та, в свою очередь, подает знак, и горничная в униформе берет шампанское, которое охлаждается в ведерке на отдельном столике.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

— Арчи, мы собирались выпить за твои планы еще вчера вечером, но внезапный визит преподобного... — принимается объяснять Мадж.

Лицо Нэнси заливают нежно-розовая краска. Пылающие щеки, конечно, очень ей идут, но Арчи понимает, что Нэнси весьма неловко от повышенного внимания Джеймсов к их ситуации. Он успокаивающе поднимает руку.

— Я весьма признателен за этот жест, дорогая Мадж, но в нем нет необходимости.

— Умоляю тебя, Арчи, — не сдастся Мадж. — Мы в восторге от твоих планов. Другой возможности их отметить может не представиться.

— Мы настаиваем, — вторит ей Сэм.

Упорствовать с протестами будет неучтиво, что Нэнси превосходно понимает. Чувство приличия — их с ней общая черта, и он очень дорожит этим ее качеством. Оно избавляет от нужды в твердой руке — в том, что он считает своим долгом применять всегда и везде. Особенно у себя дома.

— Благодарю! Ваша поддержка имеет для нас огромное значение, — отвечает он.

Нэнси согласно кивает.

Горничная начинает разливать по хрустальным бокалам пузырящееся, медового цвета шампанское. Последний бокал наполнен, и в тот же миг раздается стук в дверь.

— Извините за вторжение, сэр, — слышится женский голос с сильным деревенским выговором, — но полковника просят к телефону.

Они с Нэнси обмениваются недоуменными взглядами. Он не ждал, что ему позвонят, а тем более так скоро — ведь он сделал все, чтобы сохранить в тайне свои планы на этот уик-энд. По понятным причинам Нэнси возвращает бокал на стол и легко прикасается к его локтю через льняную крахмальную салфетку. Этим жестом она показывает ему, что звонок касается их обоих.

— Прошу прощения, — произносит он, кивнув хозяевам, которые тоже ставят свои бокалы. Он встает и застегивает пиджак, глядя на Нэнси с уверенностью, которой отнюдь не испы-

МАРИ БЕНЕДИКТ. ТАЙНА АГАТЫ КРИСТИ

тывает. Большими шагами он выходит из столовой, осторожно притворив за собой дверь.

— Сюда, сэр. — Служанка ведет его в каморку, спрятавшуюся под богато декорированной главной лестницей Хертмор-коттеджа (нелепое название для столь роскошного дома). Там он видит на стенке телефон, а на столе — ожидающий его наушник.

Он садится на стул, прижимает наушник к уху, а микрофон — ко рту.

— Алло, — произносит он, дождавшись, когда дверь за служанкой закроется. Ему ненавистна нерешительность, которую он слышит в своем голосе. Ведь сильный характер — это как раз то, что Нэнси ценит в нем превыше всего.

— Прошу извинить меня, сэр. Это Шарлотта Фишер.

Какого дьявола возомнила Шарлотта, что посмела звонить ему сюда? Да, он доверил ей информацию о Хертмор-коттедже, но снабдил свои слова строжайшими наказами. В последние месяцы он из кожи вон лез в борьбе за расположение семейной гувернантки-секретаря, считая, что оно обеспечит плавный, как он надеется, переходный период, но сейчас он не намерен с ней миндальничать и даже не пытается скрыть свой гнев. И к чертям последствия!

— Шарлотта! Я полагал, что дал тебе исчерпывающие инструкции: не звонить сюда ни в коем случае. Только при чрезвычайнейших обстоятельствах.

— Понимаете, полковник... — Она запнулась. — Я сейчас в Стайлзе, рядом со мной стоит констебль Робертс.

Шарлотта умолкла. Она что же, в самом деле думает, что такого объяснения достаточно? Мол, в его доме полицейский — и это всё? Что она хочет от него услышать? Она ждет, когда он заговорит, и в этой тишине его охватывает ужас. Он не может подобрать слова. Что ей известно? А главное — что известно констеблю? Любое слово может захлопнуть капкан.

— Сэр, — произносит она, не дождавшись ответа. — Думаю, обстоятельства вполне можно считать чрезвычайными. Ваша жена исчезла.

ГЛАВА 3

РУКОПИСЬ

12 октября 1912 г.

Агбрук-хаус, Девон, Англия

Когда стало окончательно ясно, что звучит музыка Берлина, среди публики прокатился вздох удивления. Гости постарше стояли неуверенные, насколько пристойным будет танец под такую модную мелодию, а мой визави без всяких раздумий повлек меня к танцевальной части зала. Там он сразу же выбрал откровенный уанстеп, и остальная молодежь вскоре последовала нашему примеру.

Причудливые фигуры танца держат партнеров на некотором расстоянии друг от друга, но наши тела оказались в опасной близости. Я уже почти жалела, что на мне не старомодное платье с броней корсета. Пытаясь создать хоть какой-то барьер — пусть даже вымышленный — между собой и этим напористым незнакомцем, я устоялась куда-то за его плечо. А он не отрывал взгляда от моего лица.

Обычно в танце мы с партнером непринужденно о чем-нибудь болтаем, но это был не тот случай. О чем говорить с таким кавалером? В итоге молчание нарушил он.

— Вы даже прелестнее, чем вас описывал Артур Гриффитс.

Трудно сказать, какая часть реплики изумила меня больше — то, что у нас с этим странным человеком есть общие зна-

МАРИ БЕНЕДИКТ. ТАЙНА АГАТЫ КРИСТИ

комые, или что он имел дерзость назвать меня «прелестной», хотя мы даже не были формально представлены. В моем кругу существовали строгие неписанные нормы поведения, и пусть они в последние годы смягчились, но все равно позволять себе с места в карьер комментарии по поводу моей внешности было нарушением даже самых либеральных правил. Будь я честна сама с собой, то призналась бы себе, что его открытость показала глотком свежего воздуха, но девушкам вроде меня не полагалось любить прямогу. Он оставил мне только два варианта: или, топнув ногой в ответ, оставить наглеца, или полностью игнорировать его слова. Учитывая, что этот человек, несмотря на всю его бестактность, меня заинтриговал, я выбрала второе и благосклонно спросила:

— Вы знакомы с Артуром Гриффитсом?

— Это сын местного vicar.

— Да, мы оба служим в полевой артиллерии, сейчас расквартированы в эксетерском гарнизоне. Узнав, что служебные обязанности не позволяют ему сегодня здесь присутствовать, он попросил меня прийти вместо него и приглядеть за вами.

Ладно, это кое-что объясняет, подумала я. Встретив его взгляд, я обнаружила, что глаза у него — удивительные, светло-голубые.

— Почему вы сразу не рассказали?

— Не знал, что это нужно.

Я не стала констатировать очевидные вещи — что любой джентльмен умеет правильно представляться, упоминая при этом общих знакомых. Вместо этого я пыталась быстро придумать вежливый ответ.

— Он неплохой парень, — в итоге сказала я.

— Вы хорошо знакомы с Артуром?

— Не очень. Но он славный. Я познакомилась с ним, когда гостила у Мэтьюсов в Торп-Арч-холле, в Йоркшире, и мыладили.

Мой кавалер — который до сих так и не назвал своего имени, — ничего не ответил. Молчание томило меня, и я разговорила.

РУКОПИСЬ

— Он неплохо танцует.

— Похоже, вы разочарованы, что вместо него здесь я.

Я решила проверить, получится ли у меня приподнять настроение у этого молодого человека.

— Что ж, сэр, это наш *первый* танец. И коль скоро вы избавили меня от бальной книжки, у вас пока есть шанс станцевать еще раз и показать мне *ваши* мастерство.

Он рассмеялся глубоким бархатным смехом. Мы кружились по залу мимо знакомых лиц Уилфредов и Синклеров, и я хохотала вместе с ним, чувствуя себя не такой, как все они. Свободнее. Живее.

— Именно это я и намереваюсь сделать, — сказал он.

— Чем вы занимаетесь в Эксетере как офицер? — осмелев, спросила я.

— Летаю.

Я на миг застыла. В те времена все с ума сходили при мысли о полетах, а тут — пожалуйста, я танцую с живым авиатором! У меня дух перехватило от восторга!

— Летаете?

Его щеки вспыхнули, это было заметно даже при тусклом освещении зала.

— М-м, на самом деле в настоящий момент мое занятие — артиллерия, при том что я — 245-й профессиональный авиатор Британии. Правда, уже скоро я перейду в Королевский летный корпус, который сейчас формируется. — При этих словах его грудь, и без того широкая, стала еще шире.

— И каково это — летать в небе?

Впервые за все время он оторвал взгляд от меня и устремил его на покрытый фресками потолок, словно там, в этих фальшивых небесах с херувимами, он сможет вновь пережить нечто и впрямь настоящее.

— Странное и пьянящее чувство — быть почти у самых облаков и глядеть на маленький мир внизу. Но и довольно пугающее.

— Не могу даже представить. Но хотела бы попробовать, — хихикнула я.